

АНТОНОВ
Алексей Дмитриевич

бакалавриат, Петрозаводский государственный
университет (Петрозаводск, Россия),
antonow20111813@mail.ru

РУССКО-ПЕРСИДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. (К ВОПРОСУ О РУССКИХ ДЕЗЕРТИРАХ В ПЕРСИДСКОЙ АРМИИ)

Научный руководитель:

Смирнова Наталия
Владимировна

Рецензент:

Четвертной Дмитрий
Владимирович

Статья поступила: 27.02.2024;

Принята к публикации: 29.06.2024;

Размещена в сети: 30.06.2024.

Аннотация. В работе рассматриваются русско-персидские отношения первой трети XIX в. через призму решения вопроса об экстрадиции батальона русских дезертиров в 1810 – конце 1830-х гг. Решение этого вопроса отражает изменение отношения Персии к Российской империи на протяжении нескольких десятилетий. Достижение соглашения по экстрадиции батальона русских дезертиров привело к установлению дружеских отношений между Персией и Российской империей и повлияло на оказание последней помощи в модернизации вооруженных сил Персии.

Ключевые слова: Персия, Российская империя, русско-персидские отношения, русская армия, персидская армия

Для цитирования: Антонов А. Д. Русско-персидские отношения в первой трети XIX в. (к вопросу о русских дезертирах в персидской армии) // StudArctic Forum. 2024. Т. 9, № 2. С. 30–38.

В первой трети XIX в. Российская империя ведет активную политику на Кавказе, что выливается в затяжное русско-персидское противостояние, приведшее к двум русско-персидским войнам 1804–1813 и 1826–1828 гг. В ходе военного противостояния двух держав из Особого Кавказского корпуса к персам дезертировали русские солдаты и офицеры. Из русских дезертиров на персидской службе был сформирован отдельный гренадерский батальон. Вопрос об его экстрадиции в Российскую империю станет одним из ключевых в русско-персидских отношениях 1810 – конца 1830-х гг. Обсуждение этого вопроса, на наш взгляд, играло не последнюю роль в русско-персидских отношениях, что обуславливает актуальность работы.

Из обозначенной проблематики вытекает цель исследования: изучить русско-персидские отношения в первой трети XIX в. и меры, предпринятые русскими дипломатами по экстрадиции из Персии в Российскую империю русских дезертиров.

Для достижения поставленной цели следует решить ряд задач:

- 1) Определить причины дезертирства из русской армии, действовавшей на Кавказе в ходе русско-персидских войн первой трети XIX в.
- 2) Определить место русского батальона в персидской армии.
- 3) Исследовать роль вопроса о возвращении русских дезертиров в русско-персидских отношениях в 1810 – конце 1830-х гг.

Тема дезертирства в русской императорской армии в ходе войн на Кавказе в историографии изучена слабо. В дореволюционной историографии о русских дезертирах на персидской службе пишут в связи подписания Гюлистанского и Туркманчайского мирных договоров [Дубровин, VI: 128]; [Щербатов: 84], а также этот вопрос затрагивается при

освещении дипломатической миссии А.П. Ермолова в Персию в 1817 г. Однако дореволюционные историки касаются этой темы только как сопутствующей всему остальному, то есть определяют ее как второстепенную в русско-персидских отношениях. Также при описании непосредственно боевых действий на Кавказе затрагивается вопрос о дезертирстве из русской армии, например, Н.Ф. Дубровиным [Дубровин, IV: 449–450].

Советская историография затрагивает исследуемую тему слабее, чем дореволюционная. Н.А. Кузнецова в монографии «Иран в первой половине XIX в.» рассматривает тему службы русских дезертиров к каджарским шахам поверхностно, упоминая о них лишь в контексте ключевых дипломатических событий 1813–1828 гг. [Кузнецова: 46, 59, 181]. В работе А.В. Фадеева «Россия и Кавказ в первой трети XIX в.» вопрос о дезертирстве поднимается также лишь в силу необходимости. Но выделяет эту работу то, что в роли дезертиров выступают кавказские ханы, которые приняли покровительство Российской империи, получили чины в русской армии, но при первой же возможности встали на сторону Персии [Фадеев: 281].

В современной отечественной историографии вопрос о русских солдатах на персидской службе в первой трети XIX в. пользуется все большим вниманием исследователей. Наиболее полная история русского батальона на персидской службе представлена в работе А.И. Кругова и М.В. Нечитайлова «Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг.» [Кругов: 84–104]. Появляются исследования по отдельно взятым вопросам русско-персидских отношений. Так, А.Б. Ларин связывает вопрос об экстрадиции русских дезертиров с военным строительством в Персии 1830-х гг. и походом шаха Мухаммеда на Герат [Ларин, 2009: 36–40]; [Ларин, 2013: 110–116]. И.В. Базиленко в статье биографического характера, посвященной службе С.Я. Макинцева персидскому шаху, как и в работе А.И. Кругова и М.В. Нечитайлова, рассматривает спектр причин дезертирства русских солдат и офицеров [Базиленко: 152–163].

В зарубежной историографии батальон русских дезертиров на персидской службе преимущественно упоминается в связи с подписанием Гюлистанского мирного договора или с походом шаха Мухаммеда на Герат [Хопкирк: 225]; [Kazemzaddeh: 338]. Также авторы Кембриджской истории Ирана упоминают русский батальон при описании организации персидской армии [Gavin: 160].

Таким образом, тема службы русских дезертиров персидскому шаху в первой трети XIX в. находится на периферии исследований историков и изучена недостаточно подробно, однако в последнее время начинает привлекать внимание исследователей.

В качестве источников нами используются тексты Гюлистанского и Туркманчайского мирных договоров, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, а также Журнал дипломатической миссии Ермолова в Персию. Немало сведений о службе русских дезертиров персидскому шаху и процессу их экстрадиции содержат документы личного происхождения: мемуары членов дипломатических и военных миссий в Персию А.С. Грибоедова, И.О. Симонича, И.Ф. Бларамберга.

В ходе русско-персидских войн начала XIX в. на сторону персов неоднократно перебежали солдаты и офицеры русской императорской армии. Еще до начала русско-персидской войны 1804–1813 гг. к персам перебежал, стремясь к более высоким чинам, вахмистр Нижегородского драгунского полка С.Я. Макинцев (1802 г.) [Кругов: 85]; [Базиленко: 153]. И.В. Базиленко считает, что некоторое время после своего дезертирства С.Я. Макинцев зарабатывал на жизнь, работая ремесленником, а военную службу возобновил только после своего знакомства с Аббас-Мирзой [Базиленко: 153].

В монографии «Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг.» А.И. Кругов и М.В. Нечитайлов, опираясь на широкий круг источников, определяют причины дезертирства

русских солдат и офицеров. Исследователи относят к причинам дезертирства среди рядового состава грубость со стороны офицеров по отношению к подчинённым. Немаловажным было и то, что нижние чины могли дезертировать из-за своего желания нести более легкую службу, совершенного преступления и тому подобных причин. Похожие случаи дезертирства имели место быть и в ходе военных действий против кавказских горцев в 1840–1850 гг., чем пользовались имам Шамиль и Магомед-Амин, формировавшие из русских дезертиров воинские части, вдохновленные персидским опытом [Степаненко: 128]. Также активно на сторону персов перебежали поляки, направленные на Кавказ после Наполеоновских войн [Кругов: 93].

Еще одной причиной, могущей подтолкнуть солдат к дезертирству, мог выступить подкуп. Н.Ф. Дубровин, описывая действия отряда П. М. Крягина в 1805 г., приводит пример массового дезертирства отряда русских егерей под командованием поручика Лисенко. Военный историк полагал, что Лисенко, а с ним и другие перебежчики, были привлечены слухами о щедрости Аббас-Мирзы [Дубровин, IV: 449–450]. Прямых свидетельств тому, что Аббас-Мирза пытался подкупом переманивать к себе русских солдат и офицеров, в литературе и источниках нет. Однако то обстоятельство, что он держал при себе в качестве советников Лисенкова и С.Я. Макинцева [Кругов: 153, 157], говорит о том, что Аббас-Мирза ценил своих русских подчиненных. Следовательно, определенные слухи о щедротах Аббас-Мирзы могли иметь место быть.

Таким образом, определяется довольно широкий круг причин, побуждающих русских солдат и офицеров к дезертирству. Несмотря на перечисленные выше причины дезертирства русских солдат и офицеров, современные исследователи склонны считать, что уровень дезертирства в русской армии в эпоху Николая I был крайне низким [Кривопапов: 57]. Статистика потерь Особого Кавказского корпуса в ходе войн на Кавказе и в Средней Азии за 1801–1885 гг., составленная А.Л. Гизетти, позволяет предполагать, что дезертирами и пленными русские войска в ходе двух войн с Персией (1804–1813 гг. и 1826–1828 гг.) лишились 43 офицеров и 2099 нижних чинов. Однако считать точной указанную цифру потерь корпуса пленными и дезертирами в ходе русско-персидских войн первой трети XIX в. сложно, так как параллельно с ними шла затяжная война с горцами. Также в первой трети XIX в. с Российской империей дважды воевала Османская империя. Если обратиться к статистическим данным, то общие потери Кавказского корпуса пленными и дезертирами за период 1801–1829 гг. (от воцарения Александра I до русско-турецкой войны 1828–1829 гг.) будут в 2 раза больше для нижних чинов и незначительно изменятся для офицерского корпуса (см. таблицу 1) [Гизетти: 3–23, 133–176]. Таким образом, недостатка в людских ресурсах для пополнения батальона персы не испытывали (не считая того, что в состав батальона позже были включены поляки¹ и армяне [Базиленко: 155]).

Таблица 1

Общее количество солдат и офицеров Кавказского корпуса, попавших в плен и дезертировавших за период 1801–1829 гг.

Офицеров	Нижних чинов
52	4212

Уже в 1807 г. на персидской службе действовала отдельная «образцово-инструкторская» Русская рота, сформированная Аббас-Мирзой в Тевризе, которую возглавлял Лисенко. Вскоре был сформирован и русский батальон (Багадеран). Ряд исследователей считает, что батальон был сформирован в 1819 г. [Базиленко: 154];

[Кузнецова: 181]. Но есть свидетельства того, что русские дезертиры участвовали в боевых действиях на стороне персов и ранее этого года. А.И. Кругов и М.В. Нечитайлов приводят сведения о том, что батальон способствовал победе персидских войск при Султанабаде (1812 г.) [Кругов: 90]. Также русский батальон упоминается в отчете А.П. Ермолова во время его дипломатической миссии в Персию в 1817 г.² Таким образом, батальон был создан раньше 1819 г.

Воинские формирования из русских дезертиров могли использоваться персидским командованием там, где могли не справиться персидские регулярные части. Описывая отступление Аббас-Мирзы от р. Аракс (когда его армия достигла местечка Шах-Булаку) и степень расстройств персидских войск, Н.Н. Муравьев-Карский отмечал: «...держался в порядке только один русский батальон, находившийся с ним и составленный из беглых солдат наших»³. Это говорит о высоких боевых качествах подразделений, набранных из русских дезертиров. Вероятно, это и побудило Аббас-Мирзу сделать из батальона аналог гвардейского подразделения и использовать его для охраны членов своей семьи и иностранных дипломатов⁴. «Начиная с 1834 г. я находился в тесном контакте с батальоном дезертиров, – вспоминал полномочный министр в Персии И.О. Симонич. – Обстоятельства вынуждали меня тогда не возражать против присутствия этого батальона... По прибытии в Тегеран я жил, если можно так сказать, под одной крышей с этим сбродом, составлявшим гарнизон цитадели. Не очень рассчитывая на отряд сарбазов, составлявших мою охрану на случай ночных неожиданностей, я попросил, чтобы Самсон-хан (командующий батальоном дезертиров и сам дезертир) выделил 24 человека, которых он прислал вечером и которые расхаживали ночью около моей палатки»⁵.

В 1813 г. первая русско-персидская война завершилась поражением Персии. По Гюллюстанскому мирному договору обе державы обязались возвратить в течение трех месяцев после заключения мира всех пленных, дезертиров и перебежчиков (ст. VI)⁶. И.В. Базиленко полагает, что в персидском варианте договора неверно перевели положение о возвращении пленных, дезертиров и перебежчиков, добавив в текст договора «по желанию» [Базиленко: 154]. Такое добавление или описка вполне могли быть сделаны в персидском варианте договора. Однако, на наш взгляд, со стороны персов могло быть и намеренное искажение текста договора или его трактования в целях саботирования выполнения этой статьи мирного договора.

Зачем расставаться с ценным военным активом, который служит опорой для правящей династии и хорошо зарекомендовал себя в качестве боевой единицы? В этом нет особого смысла. И персидское военно-политическое руководство это хорошо понимало. Шахиншах Персии и Аббас-Мирза не собирались расставаться с русским батальоном без особой надобности. Нежелание персов и их стремление всячески избежать обсуждения этого вопроса выявилось уже в 1817 г., когда А.П. Ермолов посетил Персию с дипломатическим визитом. В своем отчете генерал написал, что приграничные споры он быстро уладил с Аббас-Мирзой. Но когда разговор зашел о русском батальоне на персидской службе, то персы стали хитрить и увильнуть от ответа⁷. Также стоит учитывать, что в то время А.П. Ермолов поднимал вопрос о возвращении в Россию только тех из дезертиров, которые того сами пожелают. И даже обращение одного из дезертиров о помощи к русскому послу (он был взят под защиту Ермоловым) не способствовало успешному исходу дела⁸. Сложность состояла в том, что персы во время визитов русских миссий во второй половине 1810-х – 1820-х гг. всячески пытались скрыть тех из перебежчиков, в лояльности которых испытывали сомнения⁹.

Спустя два года вопрос о русском батальоне поднял в разговоре с Наиб-султаном

русский посланник в Персии – А.С. Грибоедов. В «Путевых заметках» он приводит разговор с каджарским кронпринцем, состоявшийся 30 августа 1819 г. Русский дипломат поинтересовался, почему Наиб-султан не хочет возвращать русских дезертиров на родину. Ответ русскому послу был дан следующий: «Видите ли этот водоем? Он полон, и ущерб ему не велик, если разольют из него несколько капель. Так и мои русские для России»¹⁰.

Таким образом, обсуждение вопроса о дезертирах в 1817 и 1819 гг. показало явное нежелание персидской стороны расставаться с русским батальоном. Это нашло свое отражение в поведении представителей персидской правящей династии, которые прямо и косвенно показывали свое нежелание идти на уступки в вопросе возвращения на родину солдат русского батальона, поскольку видели в нем свой ценнейшее воинское подразделение. Следовательно, можно сделать вывод о саботировании персами исполнения VI статьи Гюлистанского трактата.

Натянутые отношения Российской империи и Каджарской Персии привели в 1826 г. к новой войне, которая снова завершилась победой русского оружия. При заключении Туркманчайского мирного договора российская дипломатия подошла более обстоятельно к вопросу о возвращении перебежчиков и дезертиров. В статье XIII договора прописывалось, что все военнопленные, дезертиры и перебежчики должны быть возвращены в течение 4 месяцев после заключения договора¹¹. Статья XIV добавляла, что в Персии или Российской империи могли остаться лишь те, кто принял подданство одной из стран перед войной или во время нее, при этом учитывалась и смена религии¹². Здесь следует заметить, что солдат русского батальона заставляли принимать ислам [Кузнецова: 182], что автоматически делало военнотружущих подразделения подданными шахиншаха.

Таким образом, после заключения Туркманчайского мира 1828 г. Персия продолжала придерживаться линии отказа от экстрадиции батальона дезертиров в Россию. Этому способствовали и условия мирного договора, которые создавали возможности шахиншаху удерживать русский батальон в Персии. По словам И.О. Симонича, «будучи заинтересованным в том, чтобы сохранить на своей службе батальон из дезертиров, который как ему, так и его семье оказывал большие услуги, шах счел для себя унизительным выдавать людей, находившихся под его покровительством»¹³.

Ситуация начала изменяться в конце 1830-х гг. Персия была заинтересована в модернизации своих вооруженных сил. Привлечение английских и французских военных советников существенных результатов в военном строительстве не дало. Шахиншах становился все более заинтересован в налаживании отношений с Российской империей и привлечении ее военных специалистов для реформирования своей армии. А.Б. Ларин считает, что вопрос об экстрадиции батальона русских дезертиров был одним из главных препятствий в налаживании русско-персидского военного сотрудничества [Ларин, 2013: 111]. Это подтверждают воспоминания И.Ф. Бларамберга: «...В беседе с амир-низамом [Николаем I – А.А.] заявил, что со стороны шаха, его друга и доброго соседа, нелюбезно не только принимать к себе русских и польских дезертиров, но и, более того, формировать из них под командованием бывшего вахмистра целый батальон, который теперь находится при армии шаха и, вероятно, стоит уже у стен Герата»¹⁴. Таким образом, в представлении И.Ф. Бларамберга, а через призму его представления и Николая I, наличие на службе шахиншахов батальона русских дезертиров оборачивалось ущербом престижу Российской империи. В одном из вариантов проекта экстрадиции русского батальона из Персии предполагалось передать Тегерану несколько артиллерийских рот с инструкторами для подготовки персидских артиллеристов [Ларин, 2013: 103].

На протяжении 1830-х гг. Персия становится все более заинтересованной в

сближении с Российской империей в военной области, но при этом не стремилась расставаться с одним из своих самых надежных военных подразделений, поскольку других боеспособных подразделений в персидской армии попросту не было. Военные реформы, проводимые под контролем французских и английских советников, не привели к положительным результатам¹⁵, что показала русско-персидская война 1826–1828 гг. Однако в экстрадиции русских и польских дезертиров становится все больше заинтересован Николай I.

Удобный случай для возобновления обсуждения вопроса о русских дезертирах на персидской службе представился уже в 1838 г. Шах Мухаммед предпринял неудачный поход на Герат, где с худшей стороны проявили себя все части персидской армии, за исключением батальона дезертиров [Хопкирк: 225]. И.Ф. Бларамберг так характеризовал персидскую артиллерию и ведение осадных работ под Гератом: «...Семино получил только 200–300 рабочих, а во всем персидском лагере едва нашлось 60 лопат и столько же кирок. Для постройки артиллерийских позиций, как сказано выше, не было ни лопат, ни кирок. Несмотря на то что персидская армия располагала 60 пушками, среди которых были 12-, 18- и 24-фунтовые, первый министр полагал, что их калибр недостаточен, чтобы овладеть Гератом...»¹⁶.

Войска шахиншаха в 1838 г. действовали под Гератом крайне неудачно, что показало необходимость кардинального переустройства армии и делало персидское правительство крайне заинтересованным в том, чтобы заручиться помощью Российской империи в модернизации своих вооруженных сил. На это Российская империя охотно пошла, отправив в Персию миссию полковника И.Ф. Бларамберга (1838–1840 гг.) для устройства арсенала в Тегеране с условием возврата экстрадиции батальона дезертиров. Это побудило шахиншаха согласиться на экстрадицию русских беглецов в Российскую империю в обмен на предоставление военной помощи. Батальон русских дезертиров выступил из-под Герата и в 1838 г. был доставлен капитаном Альбрандом.

Таким образом, обсуждение представителями Российской империи и Персии вопроса об экстрадиции батальона дезертиров отражает колебания в русско-персидских отношениях, которые постепенно изменялись от враждебных к дружеским. Выражается это в том, что после череды увиваний от обсуждения вопроса об экстрадиции дезертиров в Российскую империю и прямых отказов персидские шахи были все же вынуждены пойти на уступки российской дипломатии. Уступчивость шахов не была бескорыстной, поскольку они надеялись за счет русской военной помощи, в обмен на экстрадицию дезертиров, реформировать свои вооруженные силы. Совершив этот политический шаг и экстрадировав батальон дезертиров в Российскую империю, шахиншах Мухаммед поспособствовал налаживанию дружеских отношений между Российской империей и Каджарской Персией, что способствовало укреплению влияния Российской империи в Средней Азии.

Примечания

¹ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. Москва: Наука, 1978. С. 151–152.

² [Ермолов А.П.] Журнал посольства в Персию генерала Ермолова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Москва: Университетская типография, 1863. Кн. 2. С. 121–184.

³ Муравьев-Карский Н.Н. Собственные записки: 1826–1828. Москва: Кучково поле, 2019. С. 352.

⁴ [Ермолов А.П.] Журнал посольства в Персию генерала Ермолова. С. 176.

⁵ Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра. 1832–1838 гг. Москва: Наука,

1967. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Simonic_I_O/text3.phtml?id=12775 (дата обращения: 19.10.2023).

⁶ Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между Империею Всероссийскою и Персидским государством в Российском лагере близ урочища Гюлистан при речке Зейве, через назначенных к тому с обеих сторон полномочных, и поддерживаемый обоими государствами ратификациями, разменянными взаимными полномочными в Тифлисе 15 числа сентября месяца 1814 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXXII. № 25446. С. 644.

⁷ [Ермолов А.П.] Журнал посольства в Персию генерала Ермолова. С. 175, 176; сравните с оценками дореволюционных историков позиции персов в вопросе экстрадиции русского батальона [Потто: 50]; [Щербатов: 84].

⁸ [Ермолов А.П.] Журнал посольства в Персию генерала Ермолова. С. 176.

⁹ Грибоедов А.С. Путевые заметки // Полное собрание сочинений: в 3 т. Санкт-Петербург: Нотабене, 1999. Т. 2: Драматические сочинения. Стихотворения. Статьи. Путевые заметки. С. 315.

¹⁰ Там же.

¹¹ Трактат заключенный между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Шахом Персидским. – О мире и дружбе между Россией и Персею // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. III. № 1794. С. 129.

¹² Там же. С. 129–130.

¹³ Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра. 1832–1838 гг. Москва: Наука, 1967. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Simonic_I_O/text3.phtml?id=12775 (дата обращения: 19.10.2023).

¹⁴ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. С. 106.

¹⁵ [Ермолов А.П.] Журнал посольства в Персию генерала Ермолова. С. 175.

¹⁶ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. С. 124–125.

Список литературы

Базиленко И.В. Российский беглец С.Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану // Христианское чтение. 2012. № 2. С. 152–163.

Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидской, турецкой и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. Тифлис: Типография Я.И. Либермана, 1901. 230 с.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. Санкт-Петербург: Типография Департамента уделов, 1871–1888.

Кривопапов А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. 288 с.

Кругов А.И. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. / А.И. Кругов, М.В. Нечитайлов. Москва: Фонд «Русские Витязи», 2016. 248 с.

Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX в. Москва: Наука, 1963. 265 с.

Ларин А.Б. Российско-иранское военное сотрудничество в 30–40 гг. XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 73. С. 36–40.

Ларин А.Б. Участие России в модернизационной программе Ирана в конце 30-х – 40-е гг. XIX века // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 1. С. 110–116.

Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в

5 т. Санкт-Петербург: Типография Е. Евдокимова, 1887–1889. Т. II. 821 с.

Степаненко Н.С. Российские воины Магомед-Амина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. 2020. № 3 (264). С. 128–134.

Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. Москва: Издательство АН СССР, 1960. 398 с.

Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. Москва: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. 640 с.

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность: в 9 т. Санкт-Петербург: Типография Р. Голике, 1891. Т. III. 524 с.

Hambly G.R.G. Iran during the reigns of Fath Ali Shah and Muhammad Shah // The Cambridge history of Iran: Volume 7. From Nadir Shah to the Islamic Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 144–173.

Kazemzaddeh F. Iranian relations with Russia and the Soviet Union, to 1921 // The Cambridge history of Iran: Volume 7. From Nadir Shah to the Islamic Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 314–349.

History

Alexey D. ANTONOV

bachelor's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia),
antonow20111813@mail.ru

RUSSIAN-PERSIAN RELATIONS IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY: RUSSIAN DESERTERS IN PERSIAN ARMY

Scientific adviser:

Natalia V. Smirnova

Reviewer:

Dmitry Chetvertnoy

Paper submitted on: 02/27/2024;

Accepted on: 06/29/2024;

Published online on: 06/30/2024.

Abstract. This paper examines Russian-Persian relations in the first third of the 19th century, focusing on the extradition of a battalion of Russian deserters during the period from 1810 to the late 1830s. The resolution of this issue reflects the changing attitudes of Persia towards the Russian Empire over several decades. Ultimately, the agreement on the extradition of the deserters led to the establishment of friendly relations between Persia and the Russian Empire and influenced Russia's support in modernizing Persia's armed forces.

Keywords: Persia, Russian Empire, Russian-Persian relations, Russian army, Persian army

For citation: Antonov, A. D. Russian-Persian Relations in the First Third of the 19th Century: Russian Deserters in Persian Army. *StudArctic Forum*. 2024, 9 (2): 30–38.

References

Bazilenko I.V. Russian fugitive Samson Y. Makintsev (1780–1853) and his half-century service to Iran. *Christian Reading*, 2012, No. 2, pp. 152–163. (In Russ.)

Gizetti A.L. *Collection of information about the losses of the Caucasian troops during the Caucasus-Gorus, Persian, Turkish wars and in the Transcaspian region. 1801–1885*. Tiflis, Ya.I. Liberman's Printing House, 1901, 230 p. (In Russ.)

Dubrovin N.F. *History of the Russian war and rule in the Caucasus*: in 6 vols. St. Petersburg, Printing House of the Department of Principalities, 1871–1888. (In Russ.)

Krivopalov A. *Field Marshal I.F. Paskevich and Russian strategy in 1848–1856*. Moscow, Russian Foundation for Promotion of Education and Science, 2019, 288 p. (In Russ.)

- Krugov A.I., Nechitailov M.V. *Persian army in the wars with Russia. 1796–1828*. Moscow, Russian Knights Fund, 2016, 248 p. (In Russ.)
- Kuznetsova N.A. *Iran in the first half of the XIX century*. Moscow, Nauka, 1963, 265 p. (In Russ.)
- Larin A.B. Russian-Iranian military cooperation in the 1830s and 1840s. *Vestnik of Samara State University*, 2009, No. 73, pp. 36–40. (In Russ.)
- Larin A.B. The participation of Russia in Iran's modernization program in the 30s–40s of the XIX century. *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 2013, No. 1, pp. 110–116. (In Russ.)
- Potto V.A. *The Caucasian War in separate essays, episodes, legends, and biographies*: in 5 vols. St. Petersburg, E. Evdokimov's Printing House, 1887–1889, Vol. II, 821 p. (In Russ.)
- Stepanenko N.S. Russian warriors of Magomed-Amin. *The Bulletin of the Adyghe State University*, Series 1, 2020, No. 3 (264), pp. 128–134. (In Russ.)
- Fadeev A.V. *Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century*. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1960, 398 p. (In Russ.)
- Hopkirk P. *The great game against Russia: Asian syndrome*. Moscow, RIPOL CLASSIC, 2004, 640 p. (In Russ.)
- Shcherbatov A.P. *Field Marshal General Prince Paskevich. His life and work*: in 9 vols. St. Petersburg, R. Golike's Printing House, 1891, Vol. III, 524 p. (In Russ.)
- Hambly G.R.G. Iran during the reigns of Fath Ali Shah and Muhammad Shah. *The Cambridge history of Iran: Volume 7. From Nadir Shah to the Islamic Republic*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, pp. 144–173.
- Kazemzaddeh F. Iranian relations with Russia and the Soviet Union, to 1921. *The Cambridge history of Iran: Volume 7. From Nadir Shah to the Islamic Republic*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, pp. 314–349.